

Шевченко Тарас Григорович

Иллюстрированный "Кобзарь"

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Т19

Т19 **Тарас Григорович Ш.**
Иллюстрированный "Кобзарь" / Шевченко Тарас Григорович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 54 с.

ISBN 978-5-521-30851-4

ISBN 978-5-521-30851-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Другу вже тысячу рокивъ живе Украина, и за циле свое тысячеричне жыття не мала вона мижъ сынамы своими другого такого благовистныка ридной мовы, якъ той, безсмертни творы которого выявляються теперъ передъ нами у новому выданню, а люде, счастлыви й несчастни, велики й мали, добри й недобри, котрыхъ винъ живцемъ выводывъ передъ нами—передъ духовными очыма нашими, встають теперъ намъ у-виччю, у гарныхъ малюнкахъ талановытого М. О. Микѣшина, такымы, якымы вони були дійстно—зъ ихъ облыччямъ, у ихъ постати, у своему власному убранни.

Чаривнымъ словомъ своимъ Шевченко показавъ намъ и цилу мирови душу того самого люду, котрого винъ самъ бувъ найкращымъ й найбогатишымъ надъ усима своими духовными сылами сыномъ.

И се свята правда. Бо Шевченко зъ самой чыстои духовной крыныци, зъ найвышчого, святого зродла черпавъ свое поэтычне натхнення, молячысь и благодаючи у одній своей поѣми тако:

Благословенная въ женахъ.
Святая, праведная Маты
Святого Сына на земли —
Скорбящихъ радости! — молю —
Пошли мени святее слово,
Святои правды голосъ новый,
И слово пламенемъ святымъ
И оживы, и просвѣтиты...

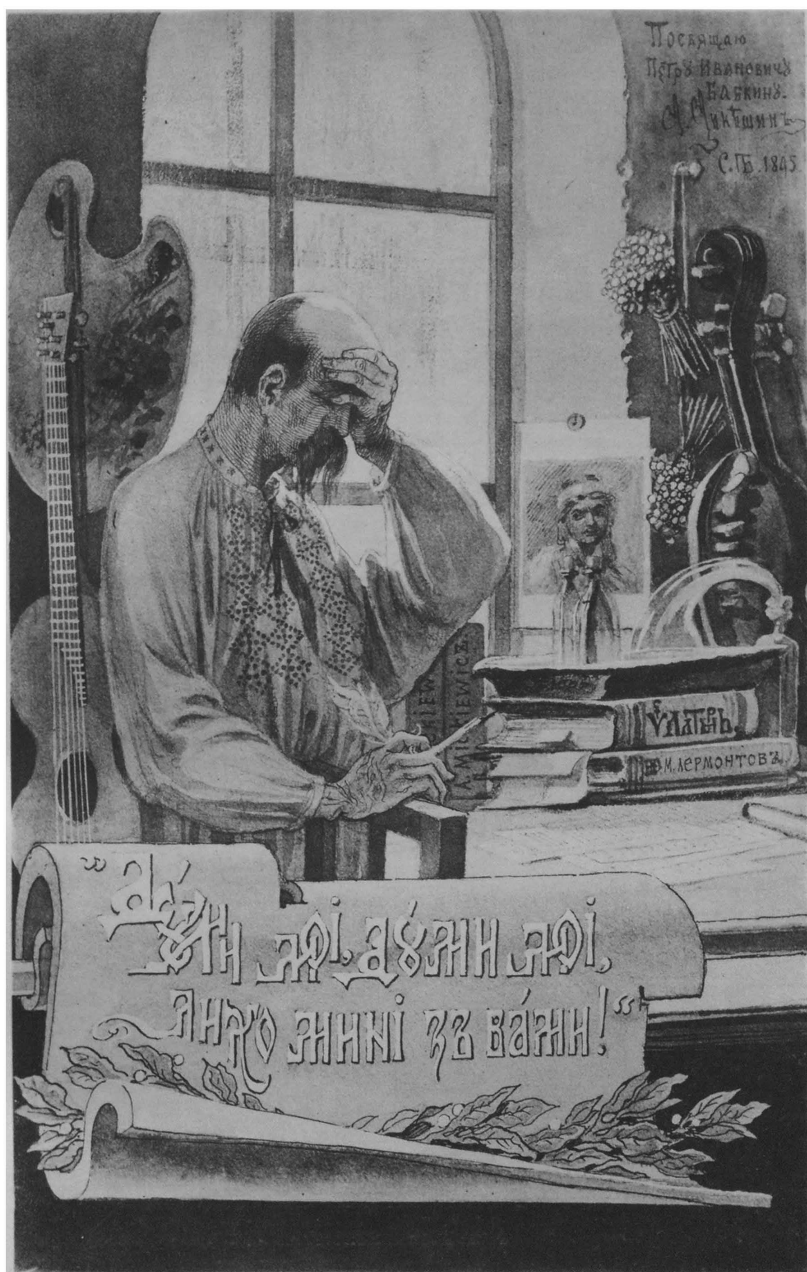
Молю рыдаючы — пошлы,
Подай души убогій сылу,
Шобъ огненно заговорила,
Шобъ слово пламенемъ взялось,
Шобъ сердце людямъ растопыло!..

И слово те послалося ёму: — душа поэта «огненно заговорила»,
вище слово ёго «пламенемъ взялось» и «серце людямъ растопыло»,
и тае, тае сердце усякого, чытаючы й спомынаючы пламенни речи
поэта, тае, якъ вискъ передъ лицемъ огня, якъ свичечка передъ
образомъ.

1895.

Д. Мордовецъ.

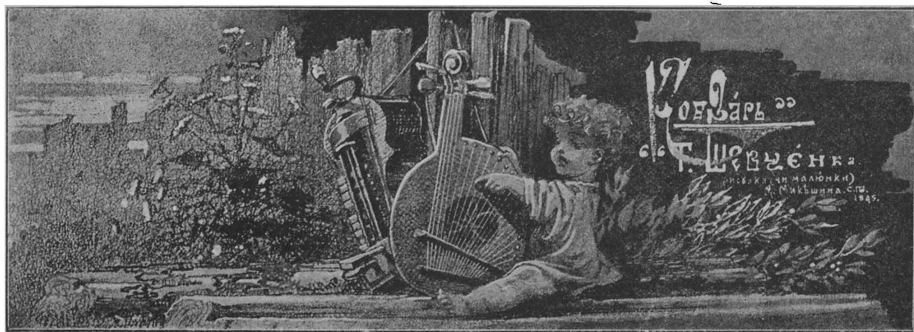

Т. Г. Шевченко.

Этот рисунок сделан мною по памяти. В последние три года своей жизни Тарасъ Григорьевичъ, живя въ маленькой комнатѣ (гдѣ и въ и скончался), въ зданіи Академіи Художествъ, почти ежедневно видѣлся со мною, жившимъ тамъ же, агажеюъ вѣно. Много разъ видѣлъ я его въ такой задумчивой позѣ, перья доминантъ руками свое густое перо.

М. Микшичъ.

Думы мои, думы...

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вами!
На що стали на папери
Сумными рядами?
Чомъ васъ витеръ не розвіявъ
Въ степу, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытыну?
Бо васъ лыхо на свить на смихъ
породыло,
Полывалы слёзы... чомъ не за-
топылы,
Не вынесли въ море, не розмылы
въ поли?
Не пытали бъ люде, що въ мене
болыть,
Не пытали бъ, за що проклинаю
долю,
Чого нужу свитомъ?... „Ничого
робыть“,
Не сказали бъ на смихъ...

Охъ вы, думы мои, думы...

ОХЪ ВЫ, ДУМЫ МОИ, ДУМЫ!

Тяжело мнѣ съ вами!

Что стоите на бумагах

Хмурыми рядами?

Что васъ въ полѣ, какъ былинку,

Вѣтромъ не умчало?

Что васъ, словно сиротинку,

Горе не заспало?

Видно горе на смѣхъ въ свѣтъ

васъ породило,

Квиты мои, диты!
На-що жъ васъ кохавъ я, на-що
доглядавъ?
Чы заплаче сердце одно на всимъ
свити,
Якъ я зъ вами плакавъ? Може,
и вгадавъ...

Може, найдеться дивоче
Серце, кари очи,
Що заплачуть на си думы —
Я бильше не хочу.
Одну слёзу зъ очей карыхъ —
И панъ надъ панамы!
Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вами!
За карыи оченята,
За чорныи бровы
Серце рвалося, сміялось,
Выльвало мову,
Выльвало, якъ умило;
За темныи ночи,
За вышневыи садъ зеленыи,
За ласкы дивочи...
За степы, та за могылы,
Що на Украини,
Серце млило: не хотило
Спивать на чужыни;
Не хотилось въ снигу, въ лиси,
Козацьку громаду
Зъ булавами, зъ бунчуками
Збирать на пораду...
Нехай души козацькыи
Въ Украини витають —
Тамъ широко, тамъ весело
Одъ краю до краю,
Якъ та воля, що мынулась;

Пóлило слезами... лучше бъ уто-
пило,

Утопило въ морѣ, разнесло по
пóлю:

Не спросили бъ люди, что меня
томишь,

Отчего грущу я, проклиная
долю,

Тягошуща свѣтомъ?... „Видно,
такъ и быть!“

Не сказали бъ на смѣхъ....

Думы мои, дѣти!

Для чего любилъ васъ, для чего
ласкалъ?

Иль заплачетъ сердце хоть одно
на свѣтѣ,

Такъ, какъ я надъ вами?... Мо-
жетъ угадалъ!...

Днипръ шырокий — море,
 Степъ и степъ, ревуть пороги,
 И могылы-горы;
 Тамъ родылась, гарцювала
 Козацькая воля;
 Тамъ шляхтою, татарами
 Засивала поле,
 Засивала трупомъ поле,
 Поки не остыло..
 Лягла спочыть... а тымъ часомъ
 Выросла могыла,
 А надъ нею орель чорный
 Сторожемъ литае,
 И про нейи добрымъ людямъ
 Кобзари спивають,
 Все спивають, якъ діялось,
 Слипи небораки, —
 Бо дотепни... А я... а я
 Тилько вмію плакаты,
 Тилько слёзы за Украину..
 А слова — немае..
 А за лихо... Та цуръ ёму!
 Хто ёго не знае!..
 А надто той, що дывытсья
 На людей душою —
 Пекло ёму на симъ свити,
 А на тимъ...

Журбою

Не наклучу соби доли,
 Колы такъ не маю.
 Нехай злыдни живутъ тры дни —
 Я йихъ заховаю,
 Заховаю змію люту
 Коло свого серця,
 Щобъ ворогы не бачылы,

Или сердце, или очи

Карія найду я,

Что заплачутъ и надъ вами?...

Больше не хочу я!

Лишь одну слезинку съкарихъ —

Панъ я надъ панами!

Охъ вы, думы мои, думы!

Тяжело мнѣ съ вами!

.....

.....

.....

.....

Охъ вы, думы мои, думы!

Свѣты мои, дѣти!

Якъ лыхо сміється...
Нехай думка, якъ той воронъ,
Литає, та криче,
А серденько соловейкомъ
Щебече, та плаче
Нышкомъ — люде не побачуть,
То й не засміються...
Не втырайте-жъ мои слёзы,
Нехай соби льються,
Чуже поле поливають
Що-дня и що-ночи,
Поки попы не засыпляють
Чужымъ пискомъ очи...
Оттаке-то... а що робыть!
Журба не поможе.
Хто-жъ сыроты завидує —
Карай того, Боже!

Думы мои, думы мои,
Квиты мои, диты!
Выроставъ васъ, доглядавъ васъ —
Де жъ мени васъ диты?
Въ Украину идить, диты,
Въ нашу Украину,
По-пидъ-тынню, сыротами,
А я — тутъ загину.
Тамъ найдете щыре сердце
И слово ласкаве,
Тамъ найдете щыру правду,
А ще, може, й славу...
Прывитай же, моя ненько,
Моя Україно,
Моихъ дитокъ нерозумныхъ,
Якъ свою дытыну.

♦ Я ростилъ васъ — на кого же
Васъ покину въ свѣтъ?

Въ Украину вы идите,

Въ нашу Украину,

Подъ плетнями, сиротами, —

Я же — здѣсь загину.

Тамъ вы правду, тамъ вы сердце

Вѣрное найдете,

А быть можетъ и святую

Славу наживете....

Приласкай же, Украина,

Милая сторонка,

Моихъ дѣтокъ, какъ родного

Своего ребенка!

Н. Гербель.

Портретъ невесты Т. Г. Шевченко, дивчины Лукеры.
Собственноручный рисунокъ поэта, при жизни его переданный М. О. Микѣшину.

